

Джон
Рёскин

**ПИСЬМА
И СОВЕТЫ
ЖЕНЩИНАМ
И МОЛОДЫМ
ДЕВУШКАМ**

Относительно платья, воспитания,
брака, сферы деятельности, влияния,
работы, прав и прочего

Поэтика

Джон Рёскин

**Письма и советы женщинам
и молодым девушкам**

«РИПОЛ Классик»

1879

УДК 122/129
ББК 87.7

Рёскин Д.

Письма и советы женщинам и молодым девушкам / Д. Рёскин —
«РИПОЛ Классик», 1879 — (Поэтика)

ISBN 978-5-386-12042-9

«Письма и советы молодым девушкам и женщинам» представляет собой подборку эссе и посланий Рёскина, адресованных его читательницам, ученицам и всем юным леди, нуждающимся в деликатном, но мудром жизненном напутствии. Письма пронизаны доброжелательной иронией и отеческой заботливостью. В деликатном и снисходительном тоне разъясняет Рёскин своим читательницам важнейшие вопросы духовной и общественной жизни. В его посланиях освещены вопросы моды, благотворительности, ведения хозяйства, правил поведения в обществе и в семье, подбора полезной для ума и сердца литературы, хотя на первом месте во всех советах Рёскина неизменно оказывается духовное просвещение. Некоторые рекомендации или наставления выдающегося критика и публициста сохранили свою актуальность и сегодня, тогда как другие могут служить, в первую очередь, иллюстрацией специфического характера того исторического периода, в который они были созданы. «Письма и советы молодым девушкам» — любопытный и оригинальный документ викторианской эпохи, к которой все чаще обращается заинтересованный взор современных читателей – или, гораздо чаще, читательниц.

УДК 122/129

ББК 87.7

ISBN 978-5-386-12042-9

© Рёскин Д., 1879
© РИПОЛ Классик, 1879

Содержание

О. В. Разумовская	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джон Рёскин

Письма и советы женщинам и молодым девушкам

О. В. Разумовская
**«Верховный жрец викторианского
общества»: Рёскин и его время**

Форд Мэддокс Браун. Труд. 1852—1865

Фигура Джона Рёскина, английского художника, публициста и филантропа, до настоящего времени остается малознакомой российской аудитории, хотя в Великобритании Рёскин считается одним из наиболее выдающихся и авторитетных критиков и искусствоведов. Его судьба и творческий путь теснейшим образом связаны с Викторианской эпохой, а его произведения и общественная деятельность созвучны протекавшим в этот период культурным и социальным процессам.

Портрет королевы Елизаветы I в день коронации. Автор неизвестен, копия 1600 г. (?) с утраченного оригинала 1558 г. Елизавета взошла на престол в возрасте двадцати пяти лет и правила в течение сорока пяти лет

Джон Рёскин (1819 – 1900) был современником и ровесником королевы Виктории (1819–1901) и свидетелем всех значимых этапов ее правления, от восхождения на престол до приближения финала. Подобно тому, как гений Шекспира заявил о себе в эпоху королевы Елизаветы и в чем-то был порождением уникальной творческой среды, сложившейся в елизаветинском Лондоне, творчество Рёскина и многих его современников было вызвано к жизни

особым культурным колоритом викторианского периода и отражало доминирующие в английском обществе идеи и вкусы.

Джордж Хейтер. Портрет королевы Виктории в коронационном облачении, 1838. Виктория стала королевой в восемнадцать лет и оставалась ею в течение шестидесяти четырех лет

Когда на английском престоле впервые воцарилась женщина¹, жители страны восприняли это беспрецедентное событие с некоторым предубеждением, вскоре сменившимся него-

---

¹ Королева Матильда (Мод) (1102 – 1167) была внучкой Вильгельма Завоевателя. Ей пришлось соперничать за английский престол с своим двоюродным братом, Стефаном Блуаским, и раскол между сторонниками двух претендентов привел к гражданской войне в Англии. Второй супруг Матильды Жоффруа Анжуйский носил прозвище Плантагенет, таким образом,

дованием и враждебностью в адрес новой правительницы. Королеву Мод интересовали в первую очередь выгода и привилегии ее нового положения, а не благо народа, и ее царствование ознаменовалось масштабной и кровопролитной гражданской войной. Политические промахи и просчеты Матильды англичане приписали ее принадлежности к прекрасному полу, что вполне соответствовало средневековым представлениям о женщинах (даже коронованных) как о существах коварных, легкомысленных и склочных. В течение нескольких веков представители английской аристократии старались не допустить перехода короны в женские руки. Им это удавалось вплоть до 1553 года, когда на престол в отсутствие законных претендентов мужского пола взошла дочь Генриха VIII, Мария Тюдор, подтвердившая худшие опасения своих подданных и получившая прозвище «Кровавая». Потребовалось все обаяние и ум ее сводной сестры Елизаветы, сменившей Марию на троне, чтобы убедить англичан в способности женщин управлять государством не хуже их братьев и супругов.

Елизавета I разумно и эффективно воспользовалась финансовым и военным потенциалом страны, заложенными ее дедом и отцом, и вывела Англию из состояния полуразрушенного войнами и распрями средневекового государства на уровень могущественной и влиятельной державы.

Дочь Генриха VIII помогла своему народу понять, что монарх может быть не только субъектом власти, внушающим трепет, но и объектом восхищения и любви. Королева отвечала своим подданным взаимностью, объявив Англию «своим супругом», а ее жителей – «своими детьми». Ее смерть в 1603 году стала общенациональной трагедией. Со времен Елизаветы ни одному монарху не удавалось вызвать таких горячих чувств у английского народа, пока на престоле снова не оказалась женщина – совсем не похожая на свою дальнюю предшественницу, но не менее волевая и решительная, да и обаятельная на свой лад. Этой женщиной была Виктория, дочь английского принца Эдуарда и немецкой принцессы Марии-Луизы Саксен-Кобургской.

Виктория не была прямым потомком Елизаветы², и судьбы двух королев сложились на первый взгляд по-разному. Одна осталась незамужней и даже вошла в историю как Королева-девственница, хоть и не отказывалась от радостей земной любви; вторая обрела столь редкое для монархов счастье в браке, дала жизнь девятерым детям и считалась эталоном нравственности своего времени. Но обе они были любимы своим народом, обе оказались на престоле в разгар династического кризиса, в непростое для своей страны время, и не жалели сил, чтобы улучшить положение своих подданных. Их именами называли целые эпохи, важной частью которых был особый стиль в искусстве, при обеих королевах пережившем фазу расцвета. Образы этих венценосных особ превратились в аллегорические фигуры, воплощающие как добродетели и выдающиеся достижения своего века, так и его пороки.

Двадцать четвертого мая тысяча восемьсот девятнадцатого года в покоях Кенсингтонского замка на свет появилась крепкая и здоровая малышка, «пухленькая, как куропатка» (по словам ее отца, герцога Кентского). Большинство англичан приветствовали это событие со смешанными чувствами. Принцесса Виктория родилась в очень сложный для Британии момент, когда сама идея монархии была дискредитирована и перестала казаться подданным очевидной и необходимой. Непосредственные предшественники и родственники Виктории – ее дедушка и многочисленные дядя – спровоцировали острый династический кризис, выглядевший неразрешимым, и заставили англичан втайне (а иногда и открыто) сожалеть, что они не воспользовались недавним революционным опытом своих соседей-французов. Возможно, королевская семья никогда еще не была столь непопулярна у народа, как при первом, втором и третьем Георгах.

Матильда стала основательницей одной из крупнейших династий средневековой Европы.

² Династия Тюдоров, представительницей которой была Елизавета, закончилась с ее смертью. Тем не менее у Елизаветы и Виктории был общий предок – Генрих VII. Елизавета была его внучкой, а Виктория по линии отца была потомком его дочери Маргариты.

Йохан Цоффани. Георг III с семьей. 1770

Дед Виктории, король Георг III, был первым представителем Ганноверской династии в Великобритании, который ни разу не был на исторической родине своих предков – в Германии – и владел английским языком как родным. К сожалению, это не сделало из него хорошего правителя. За вычетом ряда военных побед (в частности, над Наполеоном при Ватерлоо в 1815 году) царствование Георга III вошло в историю как период внешних поражений и внутренних неурядиц. Наиболее ощутимыми из них были потери американских колоний в ходе Войны за независимость США и ряд политических кризисов, вызвавших стремительную смену нескольких премьер-министров и составов правительства. Газетные сатирики окрестили короля «Фермер Джордж» за его увлечение аграрными реформами и интерес к «домашним», повседневным вопросам в обход дел государственной важности, однако современники и потомки запомнили его в первую очередь как безумного Георга. Английский король страдал тяжелым наследственным заболеванием – порфирией, – не только причиняющим физические страдания, но и вызывающим помутнение рассудка. В 1811 году регентом при полностью ослепшем и окончательно обезумевшем Георге III был назначен его старший сын, будущий Георг IV

Игральная карта с портретом Георга III

Помимо своего заболевания, дед Виктории был знаменит своей плодовитостью. В отличие от своих предшественников – деда, отца и дяди, не скрывавших своих многочисленных любовниц и внебрачных отпрысков, – Георг III был известен как примерный супруг и нежный, заботливый отец. Супруга Шарлотта подарила ему пятнадцать детей, из которых тринадцать

достигли брачного возраста³. К сожалению, сыновья Георга не унаследовали его миролюбивого (вне периодов обострения болезни) характера, благочестия и приверженности семейным ценностям. Старший сын, регент и наследник престола, ставший королем Георгом IV, следовал не самым достойным из традиций своих предков и предпочитал законной супруге многочисленных любовниц (как писал о нем Теккерей, «сластолюбие, тщеславие и пьянство... манили его»). Измены Георга и его ссоры женой были предметом бесконечных сплетен (он запретил даже пускать королеву Каролину на собственную коронацию)⁴, а растущие долги составляли предмет постоянного беспокойства для Парламента. Единственная законная дочь Георга IV Шарлотта умерла в юности; второй по старшинству брат – Фредерик – остался бездетным; третий по очереди претендент, герцог Кларенс, ставший королем Вильгельмом IV, по семейному обычаю не отличался верностью своей жене и успел обзавестись десятью отпрысками от своей постоянной фаворитки, актрисы и куртизанки Дороти Джордан, тогда как обе его законные дочери умерли в младенчестве.

³ Подобная многодетность не была исключением в истории британской монархии. У Елизаветы Стюарт, внучки знаменитой шотландской королевы Марии Стюарт и бабушки первого из Георгов, было тринадцать детей. Карл I до своей казни в 1649 году успел обзавестись девятью законными наследниками. У Якова II было восемь детей от первой супруги, семь – от второй (выжили по двое детей от каждого брака) и неопределенное, но весьма значительное количество отпрысков от многочисленных любовниц – факт, значительно осложнивший положение британской короны и спровоцировавший так называемую Славную революцию в 1688 году. От своих предков Виктория, родившая девятых детей, унаследовала не только плодовитость, но, возможно, определенные генетические заболевания. По крайней мере, именно она передала своему сыну Леопольду ген, «ответственный» за гемофилию.

⁴ Через месяц после этого события она внезапно скончалась, заставив сплетников гадать, не была ли ее смерть «устроена» по заказу короля.

Литография Томаса Сазерленда. Погребальная церемония Ее Королевского Высочества принцессы Шарлотты. 1818

Стивен Пойнц Деннинг. Принцесса Виктория в возрасте четырех лет. 1823

Англичане созерцали эту династическую «карусель» с тревогой, недоумением и растущим возмущением. Содержание многочисленного королевского семейства – с учетом расходов на любовниц и незаконных детей монархов и герцогов – обходилось казне неимоверно дорого. Финансовые ресурсы страны еще не восстановились после недавних войн, в которые Англию втягивали недальновидные и алчные правители⁵, потери заокеанских колоний болезненно ощущались в сфере внешней политики и торговли. Развитие промышленности приводило к обогащению лишь узкой прослойки населения и стремительному обнищанию социально уязвимых групп английского общества – фермеров и мелких землевладельцев, ремесленников и рабочих, клерков низшего звена и священников небольших провинциальных приходов, нетитулованных отставных военных и солдат – ветеранов недавних сражений.

---

⁵ Семилетняя война, Война за независимость США, войны с революционной и наполеоновской Францией, Англо-американская война 1812–1815 гг.

Английские города представляли собой нагромождение чудовищно загрязненных, перенаселенных, малопригодных для жизни трущоб, разительно контрастировавших с блестящими аристократическими кварталами с их мощеными улицами, элегантной архитектурой и живописными садами⁶. Как писал историк Джордж Маколей Тревельян (1876–1962), родившийся в поздневикторианской Англии, «беднота, пожалуй, всегда была столь же бедна и подвергалась такому же скверному обращению, но ее тяжелое положение стало более очевидным и для нее самой и для других именно теперь, когда она была обособлена и собрана вместе».

В такое непростое время и появилась на свет надежда нации и, следуя значению имени «Виктория»⁷, ее победа. Отец Виктории, принц Эдуард не пользовался ни популярностью у народа, ни любовью у родственников, и в династической гонке считался заведомым аутсайдером. Однако смерть его племянницы Шарлотты (дочери Георга IV) и отсутствие законных наследников у его старших братьев подвигло Эдуарда принять участие в «монархической лотерее», главным призом которой могло оказаться регентство над будущим королем или королевой Англии. Ради этой заманчивой перспективы Эдуард расстался со своей давней любовницей⁸ и женился на вдовствующей немецкой принцессе, которая была моложе его на девятнадцать лет. Хотя герцогу довелось совсем недолго наслаждаться законным супружеством и отцовством (он умер от пневмонии, когда малышке Виктории было всего восемь месяцев), он верил, что его дочь ожидает великое будущее⁹, и его предсказания оказались не просто выражением родительского тщеславия. У Георга III было не менее пятидесяти шести внуков, но большинство из них появилось на свет вне брака, поэтому Виктория с рождения оказалась не просто главной, а, по сути, единственной законной претенденткой на английский престол.

---

⁶ Впрочем, антисанитария царила и здесь, а воздух, загрязненный дымом и гарью с фабрик и миазмами из Темзы, был общим для всех сословий, поэтому в периоды эпидемий смерть стучалась как в бедные дома, так и в богатые. В 1856 г. пятеро детей архиепископа Кентерберийского скончались от скарлатины. В 1878 г. дочь и внучка королевы Виктории умерли от дифтерии.

⁷ Вообще-то принцессу нарекли Александриной, по имени одного из ее крестных отцов, русского императора Александра I. «Виктория» было ее вторым именем. В семье девочку называли Дриной, чего она терпеть не могла, и, став королевой, Виктория приказала предать ненавистное домашнее прозвище забвению.

⁸ Жена отставного военного, известная как мадам Сен-Лоран, на протяжении двадцати восьми лет была любовницей Эдуарда. Фактически она играла роль его спутницы жизни, сопровождая его на светских мероприятиях и во время переездов. Ходили слухи об их тайном браке, но по причине бракосочетания Эдуарда и немецкой принцессы его отношения с мадам Сен-Лоран прекратились.

⁹ Он призывал своих друзей «хорошенько присмотреться» к малышке, которая непременно станет королевой.

Кенсингтонский дворец, в котором родилась и провела свое детство Виктория

Однако путь юной принцессы к трону оказался отнюдь не гладким, и основные препятствия на этом пути возникали благодаря интригам и амбициям ее родственников и ближайшего окружения. Девочке приходилось играть роль буфера между ее матерью – вдовствующей герцогиней – и дядей, королем Англии. Кроме того, Эдвард оставил после себя огромные долги, и первые годы Виктории прошли в спартанских условиях по причине стесненного материального положения ее матери. Вдовствующая герцогиня была вынуждена полагаться на великодушие своего деверя, короля Уильяма IV, который не жаловал свою немецкую родственницу. Герцогиня Кентская полагала, что Виктория не сможет справиться с предстоящей ей великой миссией без мудрого материнского руководства и неусыпного контроля. Она рассчитывала превратить юную принцессу в свою послушную марионетку, добившись регентства и участия во всех придворных и государственных делах. Ирония ситуации заключалась в том, что мать Виктории сама была марионеткой в руках амбициозного и расчетливого временщика – Джона Конроя¹⁰.

---

¹⁰ Джон Конрой (1786 – 1854) был офицером британской армии и шталмейстером принца Эдуарда. После смерти своего покровителя Конрой быстро завоевал доверие его вдовы, которая болезненно воспринимала враждебность Уильяма IV и свое одиночество в чужой стране, однако не торопилась возвращаться на родину, надеясь при помощи дочери возвыситься и достичь влиятельного положения при английском дворе. Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, был ли Конрой любовником герцогини. Бесспорно лишь одно – Виктория с самого детства ненавидела конфидента своей матери и, став королевой, незамедлительно лишила его придворных должностей и привилегий.

Эдвард Ландсир. Спаниэль Дэш (единственный друг юной принцессы Виктории)

Герцогиня Кентская и Конрой сообща разработали свод принципов и правил, призванных ослабить волю и характер Виктории и заставить ее полностью подчиняться матери и ее фавориту. Они назвали свое изобретение Кенсингтонской системой¹¹, и пытались с ее помощью воспитывать принцессу, однако единственным отчетливым результатом ее применения стало растущее отчуждение между герцогиней и ее дочерью. Впоследствии королева Виктория описывала свое детство как одинокое и довольно безрадостное. Впрочем, пока юная принцесса сожалела об отсутствии подруг и нехватке времени для игр, тысячи ее ровесниц по всей стране страдали от голода, ужасных условий жизни, болезней и физического насилия. Возможно, вдовствующая герцогиня и была урезана в средствах, однако у принцессы всегда были красивые наряды, пони, экипажи и слуги, а коллекция деревянных кукол насчитывала более ста экземпляров. Кроме того, благодаря матери принцесса получила хоть и домашнее, но весьма

---

¹¹ В соответствии с этой системой Виктории не позволялось ни минуты находиться в одиночестве и в праздности. Даже спальню она делила с матерью. Все ее время было занято уроками или общением с узким кругом приближенных, выбранных для нее матерью (в подруги ей навязывали дочерей Конроя, а при дворе не разрешали появляться, так как принцесса могла столкнуться там с бастардами короля и его братьев). Кроме того, герцогиня Кентская постоянно возила дочь по территории страны, чтобы принцесса могла лучше узнать свое королевство, а народ успел привыкнуть к своей будущей королеве и полюбить ее. Виктории эти «гастроли» казались утомительными и унылыми; в одной из поездок она тяжело заболела. Одним из первых ее распоряжений в статусе королевы было требование переместить ее кровать из спальни матери в отдельную комнату.

обширное и качественное образование, говорила на нескольких языках, занималась музыкой и рисованием под руководством талантливых педагогов.

Франц Ксавьер Винтерхальтер. Портрет королевы Виктории. 1843

Ранняя потеря отца и отсутствие теплоты в отношениях с матерью привели к тому, что чувствительная и восприимчивая Виктория с юных лет испытывала своего рода эмоциональный голод, который мог быть утолен лишь большой любовью. В отличие от ее венценосных предшественников и родственников, словно соревновавшихся в количестве незаконных отпрысков и соблазненных фрейлин, Виктория категорически отвергала саму возможность внебрачных связей, хотя была равнодушна к противоположному полу, кокетлива и даже несколько влюбчива. Первым мужчиной, заставившим трепетать ее сердце, был Уильям Лэм, граф Мельбурн, премьер-министр Великобритании, человек небезупречной нравственности¹²,

---

¹² Лорд Мельбурн (1779 – 1849) был «героем» как минимум двух громких скандалов: как обманутый муж и как любовник

но большого ума и личного обаяния. Виктория, ставшая королевой в возрасте восемнадцати лет, нуждалась в опытном советнике и наставнике, которого обрела в лице Мельбурна – зрелого, импозантного мужчины и опытного политика. Они встречались ежедневно и проводили вместе много времени, в результате чего самые дерзкие сплетники заговорили о любовной связи и даже вероятной помолвке восемнадцатилетней Виктории и лорда Мельбурна, чей возраст приближался к шестидесяти. Влияние сэра Уильяма и интенсивность их общения с королевой значительно ослабели после замужества Виктории.

Брак Виктории и принца Альберта был похож на историю Золушки «наоборот». Молодая королева, управлявшая влиятельной и мощной державой, могла позволить себе искать жениха не только по степени выгоды союза, но и по собственному вкусу.

замужней дамы. Его собственная супруга, леди Каролина Лэм, пережила бурный роман и мучительный разрыв с Байроном, посвятив этим событиям довольно откровенную повесть «Гленарвон» (1816). Сэр Уильям вынужден был подать на развод, хотя продолжал общаться с бывшей женой и оказывать ей поддержку. Его любовная связь с замужней дамой, леди Каролиной Нортон, также вызвала большой резонанс в обществе.

Франц Ксавьер Винтерхальтер. Принц Альберт. 1842

Ее выбор пал (хоть и не с первого раза) на ее кузена, принца Саксен-Кобург-Готского, который явно уступал невесте в размере состояния, влиятельности и политическом весе, зато обладал привлекательной внешностью. В отличие от королей и принцев Ганноверской дина-

стии, склонных к перееданию и часто страдавших от лишнего веса¹³, Альберт был высоким и стройным юношей с благородными и выразительными чертами лица.

Влюбленная Виктория сама сделала предложение своему жениху, поспешившему его принять¹⁴. Это был легендарный союз, запечатленный десятками именитых художников и первыми фотографиями, благословленный девятью детьми и скрепленный общими интересами, среди которых лидировали процветание и развитие Англии. Верность супружеским обетам (исключительное для королевской фамилии явление, если верить светской хронике тех времен), взаимное уважение, страсть с одной стороны и сдержанная нежность с другой¹⁵ – таким был рецепт семейного счастья последней четы из Ганноверской династии. Королевская чета стала воплощением идеала для своих подданных, эталоном новой морали, опиравшейся на традиционные, хоть и поправленные прежними правителями ценности.

---

¹³ Дядя Виктории Георг IV в определенные периоды своей жизни мог «похвастаться» объемом талии, составлявшим почти полтора метра.

¹⁴ Эта пикантная деталь была данью придворному этикету – королеве нельзя «позвать замуж», только сама монаршая особа может делать подобное предложение. Впрочем, целовать при этом жениху руку, как сделала Виктория, было необязательно.

¹⁵ Многие историки считают, что Альберт был далеко не так счастлив в браке, как можно предположить по его парным и семейным портретам с супругой и детьми. Биографы предполагают самые различные причины его душевного одиночества, от природной холодности характера до скрытого влечения к своему же полу. В переписке с друзьями Альберт всегда высказывался о жене с признательностью и симпатией, но не более того. При этом принц был очень заботливым и любящим отцом.

Королева Виктория и принц Альберт

Возможно, Альберт и был ангелом – по крайней мере, в глазах Виктории и рисовавших его придворных портретистов, – однако перед болезнями он был уязвим, как простой смертный. В 1861 году он скоропостижно скончался от тифа, оставив королеву безутешной до конца ее дней. Виктория горевала так же неистово, как и любила. На протяжении нескольких лет после смерти мужа она отказывалась появляться на людях и выполнять свои монаршие обязанности. В течение сорока лет вдовства она носила траур; по ее приказу в комнаты Альберта ежедневно приносили свежее белье, полотенца, горячую воду, накрывали для него стол к обеду.

В память о горячо любимом супруге Виктория возвела множество монументов самого разного формата, от скульптурных памятников до учреждений, носящих его имя¹⁶.

Королева Виктория и Джон Браун в замке Балморал. 1863

Несмотря на всепоглощающую скорбь, Виктория не потеряла интереса к мужскому полу как таковому, и ее имя становилось темой светских сплетен в Англии как минимум дважды. После смерти Альберта она, как никогда, нуждалась в опоре и поддержке, которую ей предоставил далекий от аристократических кругов человек – шотландец Джон Браун (1826–1883), отставной солдат, работавший в замке Балморал. Незнакомый с придворным этикетом, мало-

---

¹⁶ Например, концертный зал Альберт-Холл в Лондоне.

образованный и грубоватый, он был глубоко предан своей госпоже и помог ей пережить самое мрачное время после смерти мужа¹⁷.

Приближенные королевы и ее дети следили за отношениями Виктории и Джона Брауна с неодобрением и даже тревогой (ходили слухи об их тайном браке), но ее последнее увлечение шокировало многих блюстителей придворного этикета и светских условностей и заставило сплетников забыть историю с верным шотландцем.

В 1886 году Виктория получила титул правительницы Индии, но от посещения своих новых владений отказалась по причине их удаленности от Британии и своего слабеющего здоровья.

---

¹⁷ Историки до сих пор дискутируют о степени близости между Викторией и ее слугой, многие предполагали возможность любовной связи между ними, злые языки даже окрестили королеву «миссис Браун». Царственная вдова игнорировала сплетни, но своим поведением подпитывала их, проводя с отставным солдатом почти все свое время. В замке Балморал он занимал комнаты, смежные с покоями королевы. После смерти Брауна Виктория начала писать его хвалебную биографию и заказала его статую в полный рост, а в завещании потребовала положить в ее гроб локон его волос и ряд связанных с ним памятных мелочей.

Виктория и Абдул. 1885

К ее двору прибыли два индийца, нанятые на службу в качестве лакеев.

Одним из приезжих был Абдул Карим (1863–1909), амбициозный юноша, обративший на себя внимание Виктории и в течение непродолжительного времени продвинувшийся с положения слуги до уровня секретаря королевы и консультанта по вопросам индийской культуры.

Рудольф Свобода. Портрет Абдула Карима 1888

Виктория называла его Мунши – «учитель» и обращалась с ним уважительно и с почти материнской нежностью. Мунши давал королеве уроки хинди и урду, рассказывал о своей родине и ее традициях, готовил ей экзотические блюда, помогал Виктории с личной перепиской. В замке Балморал Абдулу Кариму были предоставлены комнаты, прежде отведенные Джону Брауну. Но, в отличие от бескорыстного и прямо душного шотландца, Абдул Карим стремился извлечь из своего положения максимальную выгоду для себя и своей семьи, требовал наград, титулов и дорогих подарков, постоянно жаловался королеве на неподобающее обращение со стороны ее приближенных.

Отношения королевы и ее слуги были вызовом общественным условностям того времени и правилам приличия. Во время болезни Абдула Карима венценосная ученица навещала своего учителя дважды в день, чтобы не пропускать занятия – и поухаживать за своим фаворитом, собственноручно наводя порядок в его комнатах и поправляя ему подушки. Однако связь Виктории и Мунши была скорее платонической, чем романтической, ведь Абдул Карим был моложе некоторых ее внуков, да и физическое состояние Виктории красноречиво свидетельствовало о приближающемся закате, который был лишь ненадолго озарен присутствием гостя из далекой неизведанной страны. В рассказах Мунши, в колорите его нарядов, в рецептах экзотических блюд ей открылся новый мир, яркий и притягательный. Ее живой, открытый ум и любознательная натура даже в преклонном возрасте не могли ограничиться придворными и семейными хлопотами и требовали новых впечатлений, иного культурного и духовного опыта, который она нашла в общении со своими друзьями-слугами, пусть даже это противоречило строгим правилам этикета, царившим в викторианском обществе.

Королева Виктория прожила долгую и насыщенную событиями жизнь, которую принято рассматривать как своего рода эталон для одноименной эпохи, как тендерную модель, служившую ориентиром для всех слоев общества. Она воплощала образ верной жены, заботливой матери, дальновидной и авторитетной правительницы – идеальной хозяйки дома, в качестве которого выступала вся Британская империя. Именно такой стереотип поведения навязывался всем женщинам среднего¹⁸ и высшего сословия, обреченным выполнять строго ограниченный набор социальных и семейных функций, без возможности отклониться от заданного эталона.

---

¹⁸ Женщины из низшего класса были в значительно меньшей степени связаны социальным регламентом и строгим этикетом, так как они жили не светской, а трудовой жизнью. Но и эта свобода была весьма условна, так как над ними все равно осуществлялся контроль со стороны родственников, церкви и властей; кроме того, цена за нее была непомерно высока: отсутствие личной безопасности, бремя тяжелого труда, неудовлетворительные условия для жизни.

Некоторым все же удавалось это сделать, но результат больше походил на проигрыш, чем на победу: добрачные связи, адюльтер, развод, уход от супруга сурово порицались обществом и даже наказывались административно¹⁹. Женщина, рискнувшая выказать непокорность и несогласие с несправедливыми законами и правилами, теряла практически все, от доброго имени до возможности участвовать в воспитании собственных детей (при разводе или любом конфликте они оставались с отцом).

Джордж Шеридан Ноулз. Подписание брачного контракта. 1905

Финансовые разногласия также решались в пользу мужа: все средства жены, в том числе ее приданое и полученные или заработанные на протяжении совместной жизни средства, принадлежали ее супругу. Эти правила касались и семей из высшего сословия, так что дамы благородного происхождения не были застрахованы ни от потери имущества или вынужденной разлуки с детьми, ни от домашнего насилия, которое было распространенным явлением семейной жизни в XIX веке. К концу Викторианской эпохи некоторые из этих варварских законов стали пересматриваться, однако сама идея тендерного равенства была чужда этой эпохе, как и мысль о равноправии сословий. Как пишет историк Тревельян, «типичным англичанином любого класса в середине периода правления Виктории был человек с бородой и с трубкой»²⁰, хотя его наблюдение нуждается в некоторой корректировке. В Викторианскую эпоху человеком считался англичанин – с бородой и трубкой²¹ или без них, тогда как англичанка была в первую очередь вещью, ценившейся либо за изящество и красоту (в среднем и высшем сословии),

¹⁹ К примеру, жену, покинувшую супруга, можно было насильно вернуть мужу через суд.

²⁰ Борода действительно становится одной из характерных черт мужского имиджа Викторианской эпохи, и ее популярность стремительно растет с 1840-х годов, достигая своего пика к 1870-е. Усы, бакенбарды и вообще растительность разной конфигурации на лице подчеркивала мужественность обладателя и позволяла скрывать эмоции, проявление которых расценивалось как недопустимая для английского джентльмена слабость.

²¹ Этот тезис красноречиво иллюстрирует стихотворение поздневикторианского поэта Р. Киплинга «If» (в русском переводе известно как «Заповедь»: «Yours is the Earth and everything that's in it, And – which is more – you'll be a Man, my son!». «Земля – твое, мой мальчик, достоянье! // И более того, ты – человек!» (пер. С. Я. Маршака). В викторианский период невозможно представить себе подобное воодушевляющее воззвание, адресованное дочери. В поэзии, посвященной прекрасному полу, на первое место выдвигалось напоминание о его главном предназначении – быть опорой и источником вдохновения для мужчины – и о наиболее значимых для женщины добродетелях: терпении, кротости, самоотверженности. Поэтическим манифестом такого отношения является поэма Ковентри Патмора «Ангел в доме» (1854).

либо за выносливость и функциональность (в низшем). Даже королеве не удавалось забыть об этом распределении ролей. Биографы упоминают одну из крупных ссор Альберта и Виктории, после которой принц закрылся в своей комнате и не открывал на стук супруги, пока она не ответила на его вопрос «кто стучит?» смиренным «твоя жена» вместо привычного ей горделивого «королева Англии». Несмотря на то что корону носила из них двоих только она, да и вообще это был ЕЕ дворец и ЕЕ страна, она была в первую очередь замужней женщиной, которая должна всегда уступать супругу.

Виктория с принцем Альбертом. ок. 1854

На поверку семейная идиллия королевы оказывается показной, но при этом создает в сознании ее подданных обманчивую картину возможной гармонии в браке, для которой необходимо достижение высшего уровня нравственного совершенства. Монаршая чета могла считаться образцовой, но никак не типичной для своего времени. Даже тот факт, что все их дети дожили до (относительно) зрелого возраста, является исключительным в эпоху, когда детская смертность могла достигать пятидесяти процентов в некоторых социальных группах. Кроме того, Виктории достался весьма достойный супруг – отличный семьянин, заботливый отец и нежный любовник. Большинство женщин на подвластной королеве территории не могли выбирать себе супругов по собственному вкусу и усмотрению, подчиняясь в этом вопросе авторитету родителей или опекунов.

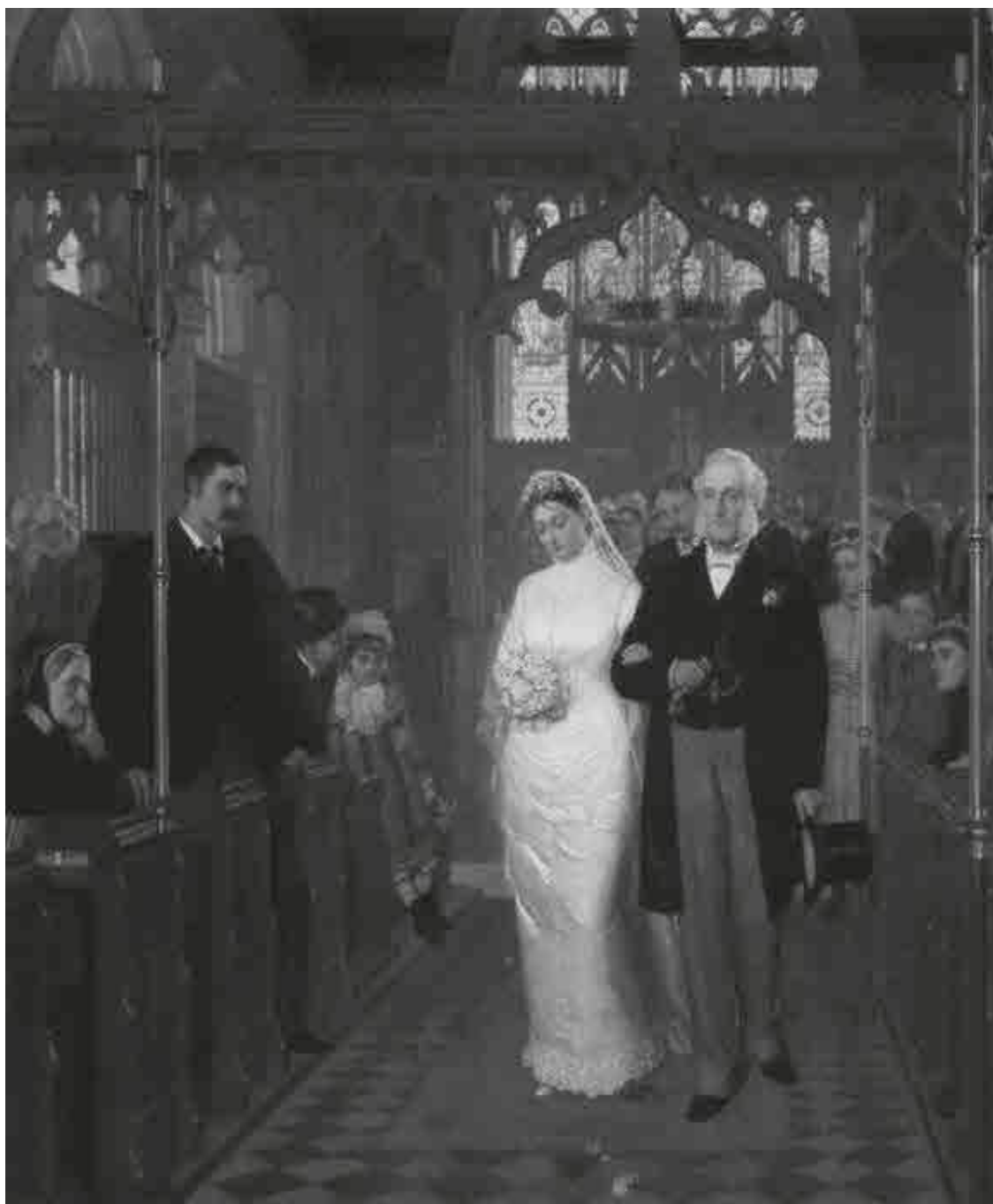

Чарльз Хэй Вуд. Любовь победит (Разгневанный отец). 1900

В то время как Виктория сама сделала предложение своему будущему супругу, молодой англичанке из приличной семьи запрещалось проявлять малейшую инициативу в общении с мужчиной и как-либо демонстрировать свой интерес к противоположному полу. Виктория и Альберт были ровесниками, и их объединяли общие интересы и увлечения – музыка, книги, верховые прогулки, проекты социальных и политических реформ в стране. В это же время большинство английских невест, несмотря на юный возраст, получало в супруги мужчин значительно старше себя (нередко вдовцов с детьми), имеющих обширный жизненный опыт и не интересующихся мнением или увлечениями своей «дражайшей половины». За плечами у немолодых женихов часто оказывался значительный «багаж» сексуальных контактов, который вместе с венерическими заболеваниями, невежеством и предрассудками касательно половых отношений становился «стартовым капиталом» супружеских отношений²². Результатом этого прискорбного «вклада» в семейную жизнь были бесплодные браки или рождение больных детей, отчуждение супругов, измены, распавшиеся союзы, поломанные судьбы.

---

²² Проституция была одной из вопиющих социальных проблем викторианского периода, особенно во второй половине XIX века. «Дома терпимости» открывали свои двери не только в трущобах, но и в богатых кварталах, реагируя на быстро растущий спрос. Ханжеская мораль эпохи объявляла эротическое начало в отношениях мужа и жены неуместным и нарушающим приличия, а сам супружеский долг осуществлялся исключительно ради появления потомства. Замужняя женщина, по представлению блюстителей нравственности, была лишена даже намека на либидо: на супружеском ложе ей предписывалось «закрывать глаза и думать об Англии». По этой причине предаваться радостям плоти мужчинам приходилось в обществе уличных женщин, которые попирали устои морали уже фактом своего существования, а потому могли себе позволить их игнорировать.

Эдмунд Блэр Лейтон. Пока смерть не разлучит нас

Норберт Генетт. Первая слеза

От всего этого Виктория была благополучно избавлена и, принимая свое семейное благополучие за абсолютную норму, относилась со снобизмом и осуждением к любым отклонениям от нравственных канонов, сформированных с ее же подачи. Для нее, воспитанной строгой матерью в сознании собственной исключительности, образ жизни ее родственников и придворных, не скрывавших бесчисленные измены и внебрачные связи, казался неприемлемым.

Франц Ксавьер Винтерхальтер. Альберт и Виктория с детьми

Принц Альберт, рано потерявший мать²³ и потому так ценивший тепло домашнего очага, разделял взгляды Виктории и не желал ставить семейное благополучие под угрозу ради мимолетных увлечений. Возможно, поэтому легкомысленное поведение их старшего сына, вступившего в связь с ирландской актрисой, шокировало венценосных родителей и заставило принца Альберта отправиться в Кембридж для серьезного разговора с наследником, несмотря на серьезное физическое недомогание. Во время беседы отец с сыном попали под сильный дождь, и Альберт сразу после возвращения слег с лихорадкой, от которой уже не оправился. Королева так и не простила принца Уэльского, считая его виновником смерти Альберта. Ее горе и негодование усугублялись тем, что их первенец так и не раскаялся в своем порочном поведении; напротив, со временем он превратился в одного из самых знаменитых распутников Европы, не оставлявшего без внимания ни актрис, ни куртизанок и посещавшего публичные дома. Хотя покойный принц Альберт был, по словам его супруги, воплощением добродетели,

---

²³ Мать Альберта, герцогиня Мария-Луиза Саксен-Кобург-Заальфельдская (1800–1831) своей судьбой подтверждала тезис о женском бесправии, царившем даже в высших кругах. Ее супруг, отец Альберта и его старшего брата Эрнеста, женился на шестнадцатилетней принцессе Марии-Луизе, будучи в два раза ее старше и не планируя отказываться от привычного холостяцкого образа жизни. После рождения сыновей супруги стали жить отдельно, при этом герцогиня, как и ее супруг, сочла себя свободной от брачных обязательств и завела любовника. Последовал развод, по условиям которого Марии-Луизе было запрещено видеть сыновей и даже иметь их портреты. Она также отказалась от всех имущественных претензий в пользу своих детей. Герцогиня очень тосковала по сыновьям; второе замужество утешило ее лишь незначительно и продлилось недолго – в возрасте тридцати лет Мария-Луиза умерла от рака. Альберт, который был очень похож на мать, очень тяжело переживал разлуку с ней.

некоторые из его потомков пошли в порочную родню Виктории, запятнавшую репутацию британской короны своим неумным развратом, интригами и склочностью. Помимо Эдуарда, большого сибарита – заядлого игрока, гурмана и женолюба, – до высоких нравственных стандартов своей бабушки не дотягивали ее внуки: принц Альфред Саксен-КобургГотский, который по неизвестным причинам застрелился в возрасте двадцати четырех лет²⁴, и принц Альберт Виктор, герцог Кларенс, чьи интеллектуальные способности и личная жизнь были предметом оживленного обсуждения в прессе и при дворе²⁵.

---

²⁴ По наиболее распространенной версии, принц испытывал помутнение рассудка, вызванное запущенной стадией сифилиса.

²⁵ Принца подозревали в гомосексуализме, и одновременно смаковали подробности его романов с хористкой, которая отравилась после их расставания, и лондонской актрисой. Антипатия к Альберту Виктору в народе была так велика, что его даже считали истинным Джеком Потрошителем, хотя в момент совершения убийств в Уайтчепеле принца не было в Лондоне. Его смерть от гриппа тоже вызывала подозрения, несмотря на эпидемию, – было известно, что Альберт Виктор долго и безуспешно лечился от венерического заболевания, которым в итоге и объясняли его скоропостижный уход.

Королева Виктория в окружении детей и внуков

Семейная идиллия, представленная на многочисленных фотографиях и открытках – королева-матриарх в окружении многочисленных потомков, – оказалась постановочной и далекой от реальности. Однако подданные принимали эту лубочную картинку, подпитывающую их патриотизм, сентиментальность и роялистские настроения, за образец для подражания, стремясь соответствовать ей хотя бы внешне. Отсюда проистекала главная проблема викторианской морали: она была в первую очередь показной, а по своей сути ханжеской и лицемерной. Ключевой концепцией викторианского этикета была благопристойность, и она же определяла нрав-

ственные требования в обществе. «Соответствовать» и «казаться» было для англичан важнее, чем «быть» и «являться», о чем бы ни шла речь: о семейном благополучии, достатке, благочестии. Какие бы проблемы ни обрушивались на англичанина и его семью – банкротство, болезнь или смерть родных, – респектабельный джентльмен считал своим долгом воздерживаться от выражения чувств на людях, сохраняя хладнокровие в любой ситуации. Можно представить при этом, какие бури эмоций бушевали за закрытыми дверями фешенебельных викторианских особняков!

Альфред Морган. Лондонский омнибус на пути к площади Пикадилли. 1885

Эти правила касались в первую очередь среднего и высшего сословия, так как представителям рабочего класса было бы затруднительно игнорировать или маскировать бесчисленные заботы или свою вопиющую нищету. Сам факт существования в Англии – развитой индустриальной державе, владевшей колониями по всему миру, – безработицы, работных домов, огромного количества нищих и бездомных отражал стремление общества закрывать глаза на «неудобные» вопросы и нежелание решать их коренным образом. Малоимущие вызывали у представителей буржуазии такое же отношение, как попрошайки на улице у состоятельных и холеных господ: они являлись источником дискомфорта – скорее эстетического, чем морального, – изредка порождали жалость, но чаще раздражение и досаду и стремление поскорее отделаться от них при помощи жалкой подачки и забыть об их существовании. Распространение идей социального дарвинизма заставляло привилегированный класс думать, что бедняки, безработные и другие обездоленные страдают по причине собственной лени, слабости и других пороков, присущих низшим слоям общества. Среди дам из высшего общества была распространена благотворительность, но она нередко носила избирательный или оторванный от жизни характер. Как утверждал политик и писатель Бенджамин Дизраэли (1804–1881), в

Англии есть две нации – богатая и бедная²⁶, причем социальная история викторианского периода показывает, что их сосуществование в стране никак нельзя назвать мирным или гармоничным.

Томас Кеннингтон. Под гнетом нищеты

---

²⁶ Ему ли было не знать – Дизраэли был членом парламента и дважды занимал пост премьер-министра Великобритании. Свои взгляды на социальные и экономические проблемы страны он изложил в романе «Сибилла, или Две нации», 1845.

Джеймс Кларк Уайт. Утешение вдовы

Губерт фон Геркоммер. Вечерний час в работном доме

Джордж Гудвин Килбурн. В ломбарде

Не меньшей проблемой Викторианской эпохи, чем сословное и имущественное расслоение, было выраженное тендерное неравенство, демонстрировавшее присущий англичанам консерватизм и патриархальность мышления. Викторианский мир был в первую очередь мужским миром: мужчины безраздельно царили в политике, промышленности, науках и в церкви, тогда как женской прерогативой было ведение хозяйства и забота о семье, а положенное ей жизненное пространство ограничивалось преимущественно домом. Разумеется, это касалось прежде всего женщин среднего класса, но отношение к слабому полу содержало в себе ряд стереоти-

пов, не связанных с классовой принадлежностью. Женское предназначение включало в себя три функции: поддерживать супруга во всех начинаниях и обеспечивать ему надежный тыл; производить на свет потомство и заботиться о нем и служить образцом добродетели, поддерживая тем самым существующий порядок и укрепляя его (последний пункт подразумевал занятия благотворительностью и посещение церкви, а также подчинение существующим авторитетам). Эта формула нашла свое отражение в живописном триптихе популярного в XIX веке английского художника Джорджа Элгара Хикса, певца домашнего уюта и счастливого материнства.

Часть первая. Миссия женщины. Наставница детей.

Часть вторая. Спутница мужчины.

Часть третья. Утешение старости

Краеугольным камнем викторианской семейной и социальной идеологии было представление о женщине как о «домашнем ангеле». Этот образ был заимствован из одноименной поэмы английского поэта Ковентри Патмора (1823–1896), посвященной его первой жене Эмили. Пространная и выдержанная в сентиментально-возвышенном стиле, поэма «Ангел в доме» излагает историю сватовства лирического героя и его женитьбы на женщине, которая воплощает представление поэта об идеальной супруге. Образцовая жена, по мнению автора, должна быть добродетельной, кроткой, преданной, а ее главная задача – полностью посвятить себя благоустройству домашнего очага и заботе о муже.

Этот привлекательный для мужского эго, но искусственный образ не был исключительно порождением патриархальных фантазий Патмора – он был сформирован буржуазной идеологией викторианского периода, ограничивавшей женское существование домашней и семейной сферой. Его зримым воплощением была сама королева, с ее идеальным браком, девятью детьми и бессрочным трауром по рано ушедшему мужу. Блюстители патриархальных устоев игнорировали тот факт, что Виктория еще в юности выражала желание «не иметь слишком много детей», потому что ненавидела пребывание «в интересном положении», боялась родов²⁷, находила новорожденных младенцев непривлекательными, отказывалась кормить своих детей грудью и страдала послеродовой депрессией.

---

²⁷ Во время шестых родов в 1848 году королева даже отважилась воспользоваться еще толком не опробованным медицинским новшеством – обезболиванием. Несмотря на неодобрение церкви и сомнения некоторых врачей в безопасности этого метода, Виктория прибегала к анестезии еще дважды – в своих предпоследних и последних родах.

Артур Хьюз. Пикник в день рождения

Еще одним расхождением королевы Виктории с «ангельским» образом было ее влечение к супругу, даже некоторая одержимость его физической привлекательностью и стремление получать от супружеских отношений плотское удовольствие, о чем она весьма откровенно рассказывала в письмах и дневниках. Рядовой викторианской леди, не наделенной королевскими привилегиями, было запрещено выражать и демонстрировать чувственные порывы (а по сути, даже испытывать их). Ханжеские моральные установки этого времени требовали от женщины невозможного: она должна была исправно осуществлять свою репродуктивную функцию²⁸, сохраняя при этом чистоту и наивность в вопросах пола. В результате таких противоречивых требований лондонские врачи сталкивались с трагикомическими по своей сути случаями, когда будущая мать не знала, каким образом ее ребенок должен появиться на свет.

---

²⁸ Благодаря примеру королевы Виктории и ряду социально-экономических факторов, таких как рост благосостояния среднего класса и развитие медицины, многодетность была скорее правилом, чем исключением, и в целом по стране в XIX веке наблюдался резкий рост численности населения.

Леопольд Франц Ковальски. Сбор ягод

Томас Кеннингтон. Материнская любовь

Материнство как главное предназначение женщины прославлялось и идеализировалось в викторианском искусстве; некоторые художники специализировались на изображении сентиментальных семейных сценок, в то время как трудности и риски репродуктивной деятельности игнорировались или замалчивались²⁹. Хотя в викторианской леди приветствовались

---

²⁹ Впрочем, забыть о них полностью не позволяла сама жизнь. Даже коронованные особы не были застрахованы от опас-

хрупкость, физическая слабость и беспомощность, жалобы на недомогание и плохое самочувствие во время беременности не приветствовались, как вообще любое указание на «интересное положение»³⁰. В результате женщины часто оставались без своевременного медицинского вмешательства, что приводило к трагическим последствиям³¹. Чем деликатнее была проблема, тем меньше было шансов у женщины получить квалифицированную врачебную помощь – полноценный осмотр доктором-мужчиной был вещью неслыханной и неприемлемой, а женщины-акушерки были долго изолированы от полноценного медицинского образования и зачастую не имели достаточно знаний. Стоит ли упоминать, что представительницы рабочего класса и роженицы из семей с низким достатком вообще не могли рассчитывать на врачебную помощь, уповая лишь на милость Господа, собственную выносливость и опыт соседки-повитухи.

ностей, связанных с деторождением: принцесса Шарлотта, дочь короля Георга IV, умерла после пятидесятичасовых родовых мук, которые не смогли облегчить лучшие придворные врачи. Тетя Виктории, королева Аделаида (жена Уильяма IV) столкнулась с другим трагическим аспектом материнства – она потеряла обеих своих дочерей, скончавшихся еще младенцами. Писательница Мэри Шелли была беременна не менее пяти раз, но до зрелого возраста дожил только один ее ребенок. По статистике, за период с 1838 года по 1900-й, около четверти всех рожденных детей умерли в раннем возрасте. В семьях из рабочей среды с низким доходом эта цифра была еще более ужасающей – выживал только каждый второй ребенок.

³⁰ Беременной женщине рекомендовалось избегать появления в обществе, чтобы не смущать окружающих, однако это не считалось поводом «распускаться» и отказываться от светских условностей – например, ношения корсета, хотя разрешался переход на его «облегченную» версию.

³¹ По статистике, в Англии XIX века одна из двухсот беременностей приводила к смерти матери. Изабелла Биттон (1836 – 1865), автор викторианского бестселлера – руководства по кулинарии и ведению домашнего хозяйства, – умерла четвертыми родами в возрасте двадцати восьми лет. От осложнений беременности (тяжелого токсикоза на фоне чахотки) умерла Шарлотта Бронте. В родах умерла писательница Мэри Уоллстонкрафт. Еще одной опасностью, подстерегавшей англичанок на пути материнства, был послеродовой психоз – распространенное явление у женщин высшего и состоятельного среднего класса, в которых с детства культивировали хрупкость и впечатлительность. Жена крупнейшего викторианского писателя У. М. Теккерея стала жертвой душевной болезни, развившейся после смерти их второго ребенка и рождения третьего. Несмотря на трогательную заботу мужа и квалифицированный уход, душевное здоровье к миссис Теккерей так и не вернулось.

Надгробный памятник принцессе Шарлотте, умершей от осложнения в родах

Ковентри Патмора – певца викторианской патриархальности – не смущала ни печальная медицинская статистика, ни первые признаки феминизма в Европе. Семейная история самого поэта весьма типична для его времени. Первая жена Патмора, Эмили, была для него воплощением идеальной спутницы жизни, о чем он витиевато и восторженно поведал читателям в своей знаменитой поэме. Эмили была не только преданной супругой и нежной матерью шестерых

детей, но и талантливой детской писательницей, о чем биографические справочники обычно умалчивают, оставляя за миссис Патмор лишь роль прототипа «ангела в доме». Ее с мужем дом был местом частых собраний самых выдающихся литераторов и критиков этого периода – Томаса Карлайля, Джона Рёскина, поэтов Роберта Браунинга и Альфреда Теннисона. Все они ценили Эмили Патмор как интересную собеседницу и привлекательную женщину. Браунинг воспел ее красоту в стихотворении «Лицо» («If one could have that little head of hers...»), художники Джон Эверетт Милле и Джон Бретт запечатлели ее облик на портретах, а Рёскин стал крестным отцом ее последнего ребенка. Поэму Патмора он прочитал еще до знакомства с ее автором и оценил ее довольно высоко. Карлайл и Теннисон тоже дали «Ангелу в доме» хвалебный отзыв.

Джон Эверетт Милле. Эмили Августа Патмор. 1851

Джон Бретт. Миссис Ковентри Патмор. 1856

Подобно Беатриче и Лауре, которых Патмор упоминает в своей поэме, Эмили прожила достаточно короткую жизнь – в возрасте тридцати пяти лет она скончалась после тяжелой болезни. Вторая супруга поэта посвятила себя заботе о детях Ковентри и Эмили, а после ее смерти Патмор женился еще раз, на гувернантке своих детей. Незадолго до его шестидесятилетия третья жена подарила супругу сына. Драматичные повороты семейной жизни Ковентри Патмора представляли скорее типичный, чем исключительный случай³². Верное служение супругу, неустанная забота о многочисленных детях и смерть в родах или от болезней были частым уделом женщины Викторианской эпохи. В таком контексте «ангелизация» образа женщины приобретает трагическое звучание.

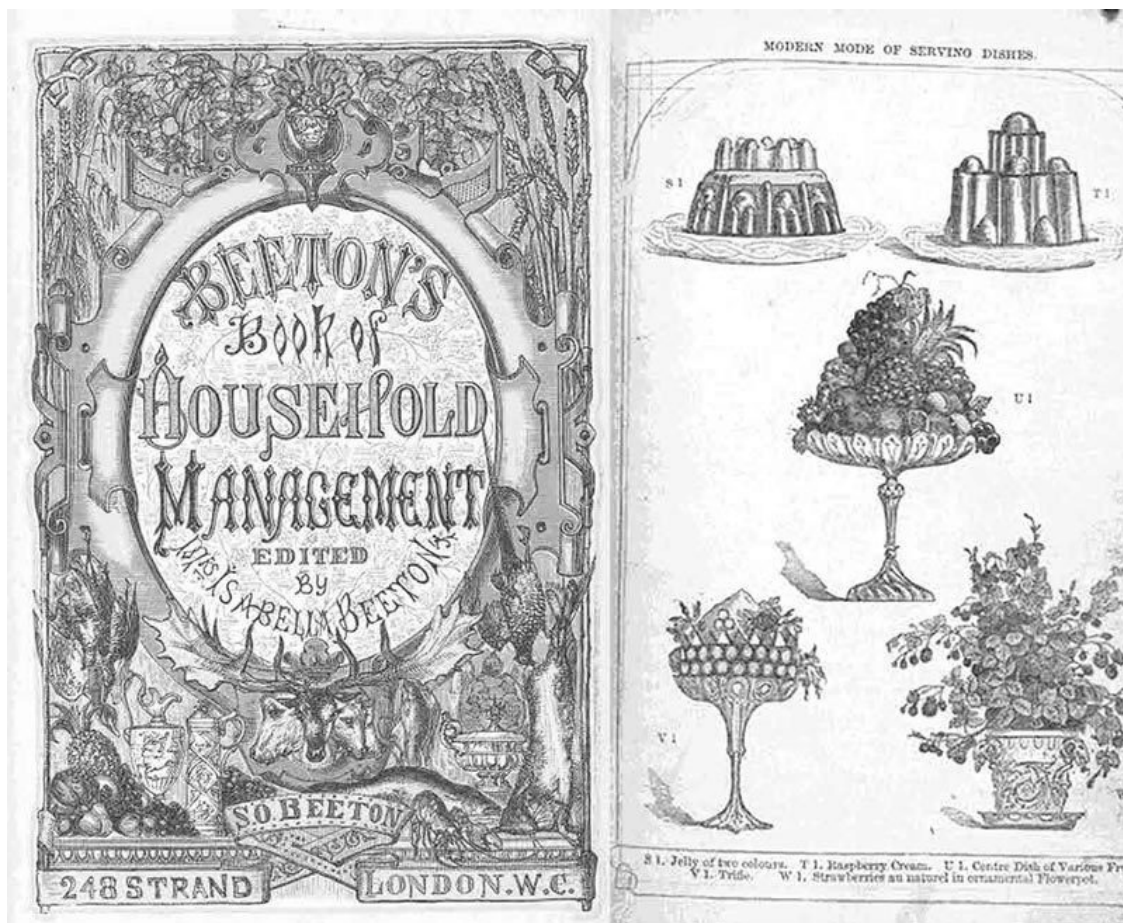
Куда менее распространенным, хотя более жизненным было альтернативное представление о роли женщины как о «домашнем генерале» (Household General), предложенное викторианской писательницей, специалистом в области кулинарии и домоводства Изабеллой Битон. Несмотря на требуемую от женщины томность и хрупкость, она должна была выполнять ряд

---

³² Не менее драматична и характерна для своей эпохи семейная история Чарлза Диккенса, хоть и выдержана в другом «сюжетном ключе». Прожив со своей супругой более двадцати лет и обзаведясь десятью детьми, писатель стал тяготиться своим браком и пытался найти утешение в любовной связи с актрисой Элен Тернан, которой на момент встречи с Диккенсом было восемнадцать лет. Разгневанная случайно попавшим к ней подарком, адресованным Элен, Кэтрин Диккенс покинула мужа, забрав младшего сына и оставив остальных детей на попечение отца и своей младшей сестры Джорджины, добровольно исполнявшей в доме Диккенса обязанности экономки и гувернантки. Судьбу Джорджины можно рассматривать как модификацию идеи «ангела в доме»: не будучи женой или любовницей главы семьи, то есть сохраняя столь желанную для викторианцев чистоту и целомудрие, она при этом познала все радости и тяготы родительства (кроме беременности и родов), заменив детям мать.

трудоёмких и хлопотных домашних обязанностей. Они включали в себя не только подготовку и проведение светских приемов, семейных праздников, благотворительных мероприятий, но и организацию труда обширного штата прислуги, порой состоявшего – в богатых домах – из нескольких десятков человек.

Титульный лист и иллюстрация из бестселлера миссис Битон – книги по ведению домашнего хозяйства. Изданная впервые в 1861 году, она остается в печати по настоящий день, являясь одной из самых авторитетных книг на тему домоводства и кулинарии

Хозяйка дома выполняла функции экономиста, менеджера по персоналу, пресс-секретаря, казначея, наставницы младших детей и куратора старших, не забывала об участии в светских мероприятиях и следила за духовной жизнью и нравственностью домочадцев и слуг. Для выполнения всех этих задач, требовавших практичности, решительности, трезвого ума и дальновидности, нужна была авторитетная и уверенная в себе матрона, твердо стоящая на ногах, а не хрупкий и отрешенный ангел. Этот аспект женского образа больше, чем ангельский, подходил королеве Виктории, управлявшей не только своим многочисленным семейством, но и обширной империей, чьи владения раскинулись по всему свету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.